

Причастен к подвигу

Снег в этот вечер валил крупными хлопьями, а на открытой местности ветер срывал его с гребней сугробов и бросал под ноги прохожим. Погода менялась. Что так оно и будет, Павел Дмитриевич Сыстеров знал заранее, об этом лучше всякого барометра говорили ему его боевые раны.

Блокадный Ленинград. Дорога через Ладогу, которую называли «дорогой жизни». Они известны ему не по книгам, они — часть его биографии.

Павел Дмитриевич вырос в селе Барановке, отсюда в июне 1940 года был призван в армию, служил в Карелии и здесь же получил боевое крещение, когда началась Великая Отечественная война.

Время стерло в памяти некоторые детали, но многие эпизоды остались на всю жизнь и видятся так ясно, как будто это случилось сегодня, сейчас.

...Небольшая ложинка. За станковым пулеметом Павел, рядом с ним лежит командир взвода. Они внимательно просматривают местность. Все тихо. Но вот впереди мелькнула тень. Снова никого. Напряг зрение и увидел целящегося в них фашиста. Пулеметная очередь опередила выстрел, фашист упал. Может и забыли бы о нем, да насторожило беспокойство немцев. Они всячески старались подобраться к трупу, а когда это не удалось, начали закидывать веревку с крючком, стараясь зацепить и подтащить убитого к себе. «Видно, важная птица», — подумали засевшие в ложине бойцы. Целые сутки держали они его под неусыпным наблюдением и вскоре догадка их подтвердилась. К фашисту удалось добраться сержанту и солдату из взвода Павла. Они вернулись и принесли с собой планшет немецкого офицера. В нем оказались документы, которые помогли нашему командованию разгадать замысел врага. За эту операцию Павел Сыстеров получил награду — орден Славы третьей степени.

Там же, в Карелии, Павла Дмитриевича ранило в правую ногу, лечился в госпитале в Петрозаводске, а затем был отправлен в Ленинград. Нелегко было слышать стоны раненых товарищей, а еще тяжелее видеть за окном замерзший, голодный город, еле передвигающих ноги, на ходу умирающих людей.

Из блокадного города выздоравливающих вывозили на машинах через Ладогу. По единственной артерии, питающей Ленинград. В оба конца шли машины с грузами день и ночь, и среди них та, на которой возвращался к жизни Павел Сыстеров. Ощетинились в небо зенитки, как коршуны вились ревущие, со свастикой на крыльях самолеты. К счастью, все обошлось благополучно, добрался до Волхова, попал в нестроевую часть. Некоторое время грузил баржи. Только после семи комиссий врачи признали его годным к строевой службе, но сделали приписку «без длительной ходьбы».

Военные пути-дороги привели сержанта опять в Ленинград, уже освобожденный. Здесь он полтора месяца учил новобранцев, а потом попросился на передовую. Снова он — пулеметчик, снова косит врага. Вызывают как-то в штаб полка. После подробных расспросов спрашивают, пойдет ли он в полковую разведку. Поколебался немного (опасался за свою раненую ногу) и согласился. Но прежде, чем стать разведчиком, пришлось освоить еще одну военную специальность — сапера. Когда шли в разведку, Павел Сыстеров был впереди — разминировал проходы на минных полях. Смерть поджидала на каждом шагу, но удавалось обходить ее стороной. Но где-то между Лисковом и Островом пуля снова настигла Павла. На сей раз ранило в левую ногу... Опять госпиталь в Ярославле, потом в Саратове. Вылечился, но на фронт больше не пошел: врачи сделали заключение — инвалид Отечественной войны. Осенью 1944 года вернулся домой, в Барановку.

Сейчас Павел Дмитриевич Сыстеров работает на ферме техником-осеменителем. Дело у него хлопотное, но справляется он с ним хорошо. В прошлом году от 100 коров получил по 94 деловых теленка. «Очень добросовестный, отзывчивый человек», — говорят о нем в совхозе.

Годы идут. Все дальше и дальше уносит время от тех грозных лет, которые нельзя забыть. Ноют в непогоду солдатские раны, напоминая каждому, прошедшему огненные дороги войны, о причастности к подвигу, совершенному нашим народом.

В. МИКОВА.